

УДК 94(791.43:67)**Туристическая отрасль КНР до начала политики реформ и открытости (1949-1977 гг.)****Гун Мин**

Аспирант,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10;
e-mail: ambassador79@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется развитие туристической отрасли Китайской Народной Республики в период 1949-1977 гг., до начала политики реформ и открытости. Основное внимание уделяется анализу структурных и институциональных особенностей туристической индустрии в условиях централизованного планирования и идеологизации общественной жизни. Применение комплексной методологии, включающей анализ архивных документов и статистических данных, позволило выявить, что туристический сектор развивался преимущественно в рамках государственных программ, выполняя идеологические функции. Международный туризм носил символический характер, отражая внешнеполитические приоритеты страны. Результаты исследования демонстрируют определяющее влияние политико-экономических факторов на формирование туристического продукта, что создает основу для сравнительного анализа развития индустрии в различных социально-экономических условиях.

Для цитирования в научных исследованиях

Гун Мин. Туристическая отрасль КНР до начала политики реформ и открытости (1949-1977 гг.) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 3А. С. 360-374.

Ключевые слова

Туризм КНР, история туризма, централизованное планирование, социалистическая экономика, идеологизация туризма.

Введение

Туристическая отрасль в Китайской Народной Республике с 1949 по 1977 год формировалась под влиянием непростых политических, экономических и идеологических реалий, когда государственные приоритеты воссоздавались заново после длительного периода войн и внутренних конфликтов. Когда в октябре 1949 года была провозглашена КНР, страна находилась на первом этапе масштабного переустройства, и туризм изначально не был в числе главных направлений государственного развития. Правительство Мао Цзэдуна в первую очередь концентрировалось на укреплении своей власти, повышении обороноспособности страны и восстановлении инфраструктуры после длительных военных действий. В то же время идея международного обмена, даже в виде туризма, уже присутствовала в сознании части руководителей партии, что со временем привело к определённым усилиям по созданию условий для приёма иностранных гостей. Однако на практике культурные и политические ограничения, а также недостаточное развитие службы гостеприимства долгое время не позволяли туристическому сектору занять заметное место в экономике страны. Под влиянием идеологических установок лишь немногие иностранцы получали разрешения на посещение Китая, и в большинстве случаев эти поездки проходили в составе делегаций, имеющих политические или научные цели. В первые послевоенные годы Китай всё ещё восстанавливался, и приоритеты правительства были сосредоточены на решении проблем продовольствия, промышленного развития и реформировании аграрной системы [Овчинникова, 2005]. Развитие туризма не входило в число немедленных задач, а потому эта сфера существовала скорее на уровне потенциальной возможности и редких прецедентов официальных визитов.

В то время в Китае уделяли внимание пропаганде успехов нового социалистического строя, и приглашение отдельных групп зарубежных гостей для ознакомления с достижениями народного хозяйства рассматривалось как часть дипломатического инструментария. Однако это не было организованным массовым туризмом в современном понимании. Иностранцы, посещавшие Китай, были преимущественно журналистами, учёными или политическими деятелями, *spécialement* приглашёнными властями [Бондаренко, 2006]. Их маршруты строго контролировались, а перемещения по стране регламентировались, чтобы ограничить доступ к «закрытым» районам и избежать соприкосновения с реальными экономическими и социальными проблемами народных масс. Кроме того, из-за идеологических установок на противостояние «капиталистическому миру» налаживание широких контактных связей относилось к области второстепенных или даже подозрительных инициатив. Большое значение имели теоретические состязания, пропагандистское сопровождение визитов и обеспечение позитивного образа страны в глазах западных или дружественных социалистических государств. Безусловно, такой подход накладывал отпечаток и на характер деятельности органов, ответственных за организацию поездок гостей, ведь ключевой задачей являлась демонстрация успехов плановой экономики, сельскохозяйственных достижений и индустриальных новаций. К середине 1950-х годов сформировался небольшой круг китайских специалистов, обладавших опытом сопровождения официальных делегаций, что можно считать зачатком будущей профессиональной туристической отрасли, хотя сама сфера не была признана экономическим приоритетом.

Материалы и методы исследования

С учреждением в 1954 году первого государственного органа, ответственного за туризм, носившего название Китайское управление по делам иностранных туристов, произошёл важный

шаг в институционализации отрасли. Однако функции управления носили в основном технический характер и были ориентированы на организацию деловых и дипломатических визитов, а не на полноценное развитие туристического потенциала [Ананьин, 2012]. Появлялись и ограниченные международные соглашения, способствовавшие обмену официальными делегациями, однако на массовый туризм это никак не влияло. В 1950-е годы Китай был в первую очередь озабочен укреплением политических позиций внутри страны и утверждением себя в качестве лидера «третьего мира», поддерживая контакты с определёнными государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Тем не менее, если смотреть на этот процесс с точки зрения будущих перспектив, можно увидеть, что в числе дипломатов и журналистов, регулярно посещавших Китай, находились и те, кто в дальнейшем способствовал популяризации китайской культуры за рубежом. Именно их впечатления от строго регламентированных путешествий в КНР закладывали основу для будущего интереса мировой общественности к этой стране. Несмотря на недостаточную развитость инфраструктуры и частые идеологические ограничения, у зарубежных гостей формировался особый образ Китая как державы с уникальной историей и культурой, которая тогда оставалась во многом «закрытой территорией» для западных путешественников. Сложности 1950-х увязывались также с общей экономической ситуацией и внешнеполитическим курсом. Период Холодной войны осложнял любые контакты с западным миром, а Советский Союз и страны социалистического лагеря были главным направлением внешней политики Китая. Однако и внутри социалистического блока туризм оставался в зачаточном состоянии, ведь главным образом существовали визиты делегаций, в том числе профсоюзных, молодёжных и правительственных [Сотникова, 2015]. Эти поездки имели характер обмена опытом, культурных выступлений или рабочих совещаний, и в такой парадигме сложно было говорить о формировании института «туризма» как отдельной отрасли. Параллельно китайское правительство пыталось создать инфраструктурную базу в крупнейших городах, чтобы при необходимости размещать иностранные делегации: строились или реконструировались несколько гостиниц в Пекине и Шанхае, где бывали самые статусные гости, а также появлялись специальные обслуживающие подразделения в ключевых транспортных узлах. Но эти меры носили фрагментарный характер и не предполагали стратегического планирования масштабного развития туризма. Одновременно развивались внутренние перевозки, улучшалась сеть железных дорог, но пассажиропоток был преимущественно внутренним и служил задачам, связанным с промышленным и сельскохозяйственным освоением отдалённых районов. Тем более велика оставалась проблема нехватки опытных кадров, способных работать с иностранцами, что дополнительно осложняло любые попытки расширить туристическую сферу.

Результаты и обсуждение

Переломным моментом в экономической и социальной политике стал Великий скачок (1958–1962 гг.), который, хотя и преследовал амбициозные цели стремительного рывка в промышленности и сельском хозяйстве, имел катастрофические последствия для хозяйства, отчасти и для перспектив международного обмена. Массовые мобилизации населения, перестройка деревень, голод и связанные с ними внутренние проблемы вплоть до начала 1960-х практически исключили возможность сколько-нибудь благоприятного внешнетуристического имиджа [Ли, 2018]. В те годы речь шла скорее о выживании, чем о продвижении позитивного образа страны. Китай старался сохранять внешнеполитические связи с союзниками, но

численность и значимость зарубежных визитёров была минимальной. Государственные усилия концентрировались на решении насущных вопросов продовольственной безопасности и идеологическом противостоянии с «капиталистическим миром». Теперь появился дополнительный фактор напряжения и в отношениях с Советским Союзом, начавшихся ухудшаться именно в эти годы, что также сказалось на ограниченности поездок. При всём том в крупных городах оставались некоторые объекты, приспособленные для проживания иностранных делегаций, и элементы инфраструктуры продолжали функционировать на минимально необходимом уровне. Упор делался не на туризм как таковой, а на соблюдение государственных интересов, поэтому основная часть контактов носила чисто политизированный характер, и любой прибывавший в страну рассматривался скорее через призму идеологической лояльности или дипломатической необходимости.

Кроме того, важной причиной слабого развития туризма до 1977 года оставалась медийная среда и отсутствие стимулирования внутреннего путешествия среди граждан КНР. Народные массы были заняты строительством новой экономики, участием в различных политических кампаниях, сборах урожая, индустриализацией, а также идеологическими собраниями, которые занимали большую долю времени и ресурсов [Ананьич, Чернуха, 1991]. Выезды за границу для простых граждан были практически невозможны, а внутренняя мобильность ограничивалась необходимостью получения специальных разрешений на поездки, даже вне рамок международных перемещений. Правительство опасалось как неконтролируемой внутренней миграции, так и чрезмерного влияния чуждых идеологий. Поэтому для населения путешествия по стране оставались редким явлением, в основном связанным с визитами к родственникам или необходимостью командировок. Многие живописные места и культурно-исторические объекты ещё не были оформлены и классифицированы как туристические дестинации с сервисными услугами. Не хватало экскурсоводов, гидов с языковыми навыками, да и сама идея свободного путешествия противоречила духу плановой экономики и жёсткого государственного контроля. Лишь небольшие группы заинтересованных людей могли брать разрешения на посещение важных исторических памятников, но это всё же оставалось исключением, а не широко доступным явлением для общественности. В итоге внутренний туризм в Китае на тот момент отсутствовал в привычном понимании, а внешний приходил в виде малочисленных групп из стран, поддерживающих социалистический лагерь, либо аналогичные группы сами ездили за рубеж по согласованным программам.

С наступлением 1960-х и возрастанием международной напряжённости отношения Китая с внешним миром опять претерпевали сложные трансформации. Отказ от советской модели развития, идеологический конфликт между КПСС и КПК, поиск новой геополитической роли стимулировали китайское правительство к самостоятельным внешним инициативам, но массовый туризм по-прежнему не входил в число приоритетов. В Китае формировался образ непримиримого борца против империализма, где значительное место отводилось пропаганде собственной социалистической модели [Мартин, 2011]. В этой атмосфере идея привлечения большого потока иностранных туристов считалась либо несвоевременной, либо противоречащей интересам безопасности. К тому же новые туристы из капиталистических стран могли быть восприняты как шпионы или идеологически опасные персонажи, а сама инфраструктура страны не была готова к такому наплыву. Политические лозунги о самообеспечении и внутренней консолидации также не располагали к созданию гостеприимной среды. В глазах простых китайцев и специалистов сферы обслуживания иностранцы чаще воспринимались как носители иной культуры, непонятные и даже потенциально враждебные, а

работа с ними для многих была обременена чувством риска. При этом в больших городах вроде Пекина, Шанхая и Гуанчжоу всё же существовали гостиничные комплексы, способные принять первых лиц государства, северокорейских дипломатов, делегации из Албании или представителей некоторых африканских стран, ориентированных на сотрудничество с КНР [Романова, 2016]. Однако полноценное развитие индустрии оставалось невозможным из-за сочетания внутренней идеологической напряжённости и внешнего политического давления.

С началом Культурной революции (1966–1976 гг.) ситуация в сфере туризма стала ещё более напряжённой. Лозунги Мао Цзэдуна о «непрерывной революции», политические чистки, свёртывание многих традиционных институтов ударили и по зачаткам формирования сферы международных контактов, в том числе и туризма. Если раньше и существовала относительно небольшая прослойка образованных кадров, работавших на иностранных посетителей, то во время массовых кампаний по «искоренению буржуазных элементов» и «уничтожению четырёх пережитков» эти специалисты зачастую подвергались критике, репрессиям или были вынуждены уехать из крупных городов на «перевоспитание» в деревню [Рагимова, 2021]. Это привело к катастрофической нехватке компетентного персонала, владеющего иностранными языками и понимающего специфику обслуживания иностранных гостей. Любые контакты с зарубежьем начали расцениваться как потенциальное предательство или отхождение от генеральной линии партии. В самой структуре государственной власти приоритеты распределялись в пользу революционных комитетов, отодвигавших экономические и культурные вопросы на второй план. Так, многие объекты, потенциально имеющие туристическую привлекательность, закрывали или оставляли без внимания, а некоторые из них даже пострадали от бесконтрольного вандализма. Множество исторических памятников была повреждена, храмовые комплексы подверглись уничтожению, и государство отнюдь не всегда препятствовало таким разрушениям, поскольку идеологически поощрялась борьба с «феодалными пережитками» [Волхонский, 2005].

Даже те немногочисленные иностранцы, которые получали разрешение на въезд, сталкивались со сложными процедурами согласования маршрутов и контролем за каждым шагом во время пребывания. Все департаменты, занимавшиеся иностранными представителями, были вынуждены действовать крайне аккуратно, чтобы не спровоцировать политическую критику со стороны радикально настроенных партийных активистов [Мамонов, 2021]. В то же время само слово «туризм» имело несколько иной оттенок, нежели сегодня, и могло ассоциироваться с паразитическим образом жизни, не имеющим связи с производительным трудом. Это также влияло на отношение к идее путешествий и отдыха. В сложившихся условиях единственным оправданием для поездок могла служить важная идеологическая, политическая или производственная задача. Каждый визит иностранца должен был иметь чёткую цель, а не просто желание познакомиться с культурой или достопримечательностями. В связи с этим структуры вроде Китайского управления по иностранному туризму работали скорее как органы протокольной дипломатии, нежели полноценного туристического ведомства. Все маршруты и программы контролировались, группы сопровождали люди из службы безопасности, а объекты показа выбирались исходя из пропагандистских приоритетов, демонстрировавших исключительно положительные стороны социалистического строительства. В целом, рассматривая период до 1977 года, становилось очевидным, что туризм оставался функцией государственной пропаганды и дипломатических инициатив, а не коммерческой или культурно-развлекательной деятельностью в современном понимании.

Тем временем, в глобальном контексте индустрия путешествий по всему миру в 1960-е–1970-е годы быстро развивалась: появлялись транснациональные авиакомпании, формировалась культура массового туризма в западных странах, росла территория туристического присутствия. Однако Китай оставался в стороне. Страна была во многом закрыта и идеологически изолирована, а её внутренние процессы не позволяли серьёзно рассматривать внешние экономические инициативы, так как приоритетом оставалась классовая борьба и сохранение политического курса Мао [Горбунова, 2017]. И хотя в 1971 году Китай занял место в ООН, что постепенно расширило дипломатические каналы, вплоть до конца Культурной революции широкого туристического потока в КНР не возникло. Некоторые отдельные фигуры, левые активисты Запада, симпатизировавшие маоистским идеям, стремились посетить «новый социалистический Китай», но их число было крайне малым и не способствовало созданию вообще какой-то значимой статистики. Правительство выпускало пропагандистские фильмы и печатную продукцию, рассказывающие о достижениях страны, однако обычно эта информация распространялась среди уже лояльных кругов, не влияла на обычного западного туриста. Стремление к международной открытости, которое перед этим появилось у части китайской элиты, наткнулось на стены политической борьбы и сложности Культурной революции. В итоге Мао's China оставался *terra incognita* для желающих путешествовать, а максимум, чего добивались, – это групповые туры, организованные под жёстким надзором и исключительно в столицу и несколько соседних городов.

При этом определённые шаги к организационному оформлению отрасли всё же предпринимались даже в разгар Культурной революции. Например, в Пекине продолжали функционировать гостиницы и специальные обслуживающие структуры типа «Дружеские общества» или «Общества по культурным связям». Они в больших масштабах не могли влиять на ситуацию, но сохраняли минимум профессионального опыта в общении с иностранцами [Северинко, 2010]. Кроме того, уже в самом конце 1960-х – начале 1970-х на фоне ради умирения внутривнутриполитических противоречий и поиска союзников против Советского Союза в Китае началась осторожная переориентация на налаживание контактов с США. Вызванный такими стратегиями «пинг-понговый дипломатический обмен» имел колоссальное пропагандистское значение. Приглашая американской спортивной команду в Китай, руководство страны осваивало новый формат взаимодействия, в том числе и в области, близкой к туризму и презентации культурных ресурсов [Усманов, 2003]. Однако пока это были ещё единичные акции, скорее символические, чем действительно массовые. В середине 1970-х произошли также визиты некоторых западных политических лидеров, о которых в КНР рассказывали с большой гордостью. В глазах простого китайского гражданина такой приезд выглядел огромным событием в жизни страны. Но здесь всё равно акцент оставался на политическом характере поездок, а не на их туристической составляющей: иностранцев подолгу возили по «образцовым» районам, демонстрировали коллективные хозяйства, заводы и школы, и элемент ознакомления с традиционными достопримечательностями, памятниками архитектуры или природными красотами играл второстепенную роль.

Одной из особенностей того периода было и то, что сама китайская интеллигенция, которая могла бы стать основой профессиональной среды экскурсоводов, отчасти находилась под политическим давлением, а отчасти придерживалась романтизированного взгляда на роль народа и революции [Корнева, 2011]. В этой парадигме «туризм» выступал скорее как буржуазное явление, не соединённое с целями пролетарского государства. Люди, знавшие иностранные языки и обладавшие достаточным кругозором, часто становились объектом

критики за «ревизионизм» или высокомерие. В то же время продолжали функционировать некоторые образовательные программы по языковой подготовке, и определённое количество специалистов всё же формировалось – в основном для нужд внешнеполитического аппарата или в сфере переводческой деятельности. Эти кадры в перспективе оказались весьма полезны, когда страна стала выходить из самоизоляции и реформировать свою экономику и систему международных отношений уже после 1978 года. Но до этого момента государство лишь фрагментарно использовало их потенциал в сфере ограниченного приёма отдельных делегаций. Для самих специалистов работы было не очень много, а получать доступ к иностранцам могли только проверенные и политически лояльные люди. В итоге туристические услуги оставались закрытой нишей, не переходившей в разряд полноценного сектора экономики.

Нельзя обойти стороной и обстоятельство, что китайская инфраструктура – от транспортной до гостиничной – в 1950-е–1970-е годы не была рассчитана на массовые пассажирские потоки со стороны иностранцев. Авиаперелёты между Китаем и другими странами были весьма ограничены и контролировались узким кругом уполномоченных лиц, железнодорожное сообщение с иностранными государствами тоже не было ориентировано на турпоток [Ананьин, 2012]. Гостиничный фонд в столице и ключевых городах был минимален, и некоторым гостям приходилось жить в условиях, далеких от привычного комфорта. Государственная политика планирования экономических ресурсов не предусматривала серьезных инвестиций в отрасль, которая не приносила бы быстрого экономического эффекта и не имела решающего значения в идеологической борьбе. Впрочем, некоторые объекты, действительно уникальные с культурной точки зрения, такие как Великая китайская стена, Запретный город, Храм Неба, Сиань с его историческими памятниками, – всё это продолжало существовать и в идеологическую эпоху. Однако пропагандистские приоритеты зачастую не рассматривали консервацию и бережное восстановление культурного наследия в качестве главной задачи, поэтому развитие музейного дела и охраны памятников культуры шло медленными темпами. Многие структурные недостатки сказались позже, когда в 1980-е и 1990-е нужно было форсированно наращивать потенциал туризма. Но в период 1949–1977 Китай был скорее поглощён внутренними социально-политическими преобразованиями и не видел в туризме способа укрепить экономику или духовную жизнь населения.

Также важно упомянуть, что в предреформенный период внутри самого руководства партии и государства не существовало единого мнения о том, каким должно быть место туризма в плане народно-хозяйственного развития. Более либерально настроенные чиновники могли видеть в туризме перспективу культурного диалога и потенциальный экономический ресурс. Однако линии Мао Цзэдуна и большинства его ближайших соратников чаще склонялись к поддержанию жёсткого идеологического курса, где туризм воспринимался как один из каналов проникновения буржуазной идеологии, развращения граждан и ослабления класса трудящихся [Овчинникова, 2005]. В прессе также появлялись статьи, описывающие западных туристов с негативной точки зрения, и призывающие к осторожности. Всё это не могло стимулировать формирование у населения позитивного имиджа путешествий и открытости к миру. Так что туризм был скорее заложником политических колебаний и оставался на периферии развития. Даже тогда, когда правительство начало выстраивать новые дипломатические мосты накануне 1970-х, акцент вплоть до смерти Мао в 1976 году делался прежде всего на крупные политические мероприятия и публичную дипломатию, а не на гостеприимство в классическом значении этого слова. Только ближе к концу 1970-х, с окончанием внутренней борьбы за власть и переосмыслением путей развития страны, в Китае стало возможным говорить о выходе

туриндустрии на более активный путь.

На протяжении всего исследуемого периода существовали также внутренние идеологические установки, согласно которым демонстрация традиционной китайской культуры – от песен и танцев до боевых искусств и народных ремёсел – была допустимой в пределах концепции «социалистической культуры». Однако в условиях политической борьбы в стране, когда закрывались и подвергались критике целые направления культурной деятельности, консервативное отношение к традиционным обычаям могло внезапно смениться волной обвинений в «ревизионизме». Некоторые театры и фольклорные коллективы обслуживали визиты зарубежных делегаций, но это не превращалось в классическую туристическую программу [Бондаренко, 2006]. В большинстве городов КНР инфраструктура для приёма обычного туриста – экскурсионные бюро, гиды, путеводители – практически отсутствовала. Частые идеологические кампании затрудняли выход местных инициатив, которые могли бы побуждать развитие внутреннего туризма. В результате даже на уровне проектов или планов этот сектор не получал серьёзного внимания. Для большинства населения путешествия ассоциировались либо с госзаданиями, либо с переездами по работе, и почти никто не воспринимал их как досуг и отдых в современном смысле.

Тем не менее, если взглянуть на этот период ретроспективно, можно отметить, что осуществлялись редкие международные контакты, которые впоследствии повлияли на более позднее развитие. Так, когда приезжали иностранные журналисты или представители коммунистических и рабочих партий из развивающихся стран, им показывали не только промышленные объекты, но и часть культурного наследия, например памятники в Пекине и Шанхае [Ли, 2018]. В результате за годы до 1977-го возникло определённое число репортажей, статей, фотографий, транслировавшихся за границу и сеявших среди западной и развивающейся аудитории интерес к Китаю. Люди видели, что страна обладает богатой историей и красивыми местами, хотя доступ к ним в реальности был весьма ограничен. Накопление именно такого интереса позднее, когда политический климат в КНР изменился, послужило одной из предпосылок к тому, что после 1978 года поток путешественников начал расти довольно быстро. Впрочем, все изменения, заложенных в 1970-е, ещё нуждались в политической стабилизации. Ведь само по себе любопытство к экзотической стране не могло развернуться в масштабный туристический поток без соответствующего решения власти открыть границы и легализовать коммерческие инициативы. А в 1949–1977 годах условия для этого не созрели.

Ещё одним важным моментом было то, что в мышлении китайских руководителей того времени доминировал прагматичный подход к внешним связям, точнее, каждый авторизованный иностранный визит должен был иметь какую-то выгоду для политического имиджа КНР [Мартин, 2011]. Объекты показа иностранцам тщательно отбирались, а коммуникация внутри групп строго контролировалась, чтобы избежать «разлагающего влияния буржуазной пропаганды». Путешествия по стране подчинялись логике демонстрации примеров успехов Великого скачка или достижений колхозов, а также иллюстрировали героизм в период антияпонской войны. Для неофициальных же гостей, институтов или частных лиц из капиталистических стран практически не существовало канала для свободного получения виз и путешествий, и им редко выдавали разрешения. Даже люди из братских социалистических стран не могли перемещаться по Китаю без сопровождения. Там, где встречались иностранцы, часто присутствовали партийные кадры или функционеры, чтобы отслеживать поведение гостей и при необходимости вести разъяснительную работу [Ананьич, Чернуха, 1991]. В этих условиях было бессмысленно говорить о рынке туристических услуг или конкуренции в сфере гостеприимства:

государство было абсолютным монополистом, контролировало и регламентировало любую деятельность. Важную роль играла и централизованная система планирования, в которой доходы от возможного туризма не рассматривались как значительный фактор развития народного хозяйства. Государство строило заводы, осваивало целинные земли, создавало коммунальные хозяйства, и в этой парадигме туристическая индустрия виделась чем-то чужеродным.

Роль международной политики в вопросах туризма той эпохи также не стоит недооценивать. Временное потепление в отношениях с некоторыми западными странами в начале 1970-х дало надежду на некоторое увеличение количества поездок, однако последующие политические кризисы внутри самого Китая, связанные с Культурной революцией и борьбой за власть в верхах компартии, не позволяли всерьёз сосредоточиться на туризме [Сотникова, 2015]. Вместе с тем Китай уже тогда начал ощущать пользу от культурного влияния: визиты отдельных политиков и культурных деятелей, знакомство их с китайской историей и особенностями традиции сеяли семена будущей обширной культурной дипломатии. Но в условиях бурных внутренних конфликтов, разоблачений «контрреволюционных групп» и консервативной риторики о необходимости «изолироваться от враждебной среды» туризм не мог получить пространства для нормального развития. Китай долго балансировал между политическими кампаниями и необходимостью присутствия в международной среде, но до рубежа 1978–1979 гг. не смог сформировать продуманную стратегию развития въездного и внутреннего туризма.

Любопытно отметить, что в ряде регионов Китая уже в 1970-е годы формировалось понимание потенциала исторического и культурного наследия. К примеру, в провинциях, где находились всемирно признанные памятники старины, местные власти иногда пытались лоббировать меры по сохранению объектов и привлечению к ним внимания зарубежных исследователей [4]. Эти инициативы оставались довольно ограниченными, но закладывали основу для формирования в будущем комплексной политики по охране культурного достояния и использованию его в качестве туристического ресурса. Тем не менее, до становления глобального туризма всё ещё было далеко. Государственные издательства печатали информационные буклеты, рекламируя «новый облик Китая», но тиражи и каналы распространения были весьма узкими. Политическая цензура диктовала каждое слово, а реальных экономических стимулов и механизмов для развития популярного публичного туризма не существовало. Основная цель внешнеполитических действий КНР до 1977 года заключалась в укреплении статуса в мире, формировании блока сторонников и противодействии гегемонии США или СССР, и эти вопросы безусловно вытесняли возможные планы по освоению мировых туристических рынков.

Таким образом, вплоть до конца 1970-х гг. Китай формально имел организационные структуры для иностранного туризма, но на деле они играли роль протокольных ведомств, обслуживающих редкие и почти всегда политически мотивированные визиты. Влияние Великого скачка, Культурной революции и общая изоляция от капиталистического мира сформировали крайне неблагоприятную почву для развития туристского сектора [Овчинникова, 2005]. Многие туристические объекты либо находились в состоянии упадка, либо не были открыты для посещения. Гостиничная сфера едва функционировала, количество номеров соответствовало потребностям не более чем нескольких сотен иностранных гостей в год, и даже этот показатель не всегда был загружен. Образ Китая за рубежом колебался между экзотичным интересом и настороженностью, питавшейся пропагандой Холодной войны. Внутри же страны многие видели в путешествиях опасную тенденцию к дезориентации граждан, отвлечению от

политических задач и рекламированию враждебных установок. Доверие иностранцам, особенно из западных стран, продолжало оставаться крайне низким. Всё это предопределило отсутствие структурированного подхода к туристической отрасли и сделало её периферийным элементом китайской экономики вплоть до решительных реформ Дэна Сяопина, которые лежат уже за пределами рассматриваемых здесь временных рамок.

Отдельно стоит отдельно упомянуть феномен так называемого «революционного туризма», который в редких случаях организовывался для зарубежных левых деятелей и активистов. Эти группы возили по местам, связанным с революционной борьбой КПК: шел маршрут через Яньань, где скрывались коммунисты во время японского вторжения, или через памятные локации в провинциях, ранее служивших базами для Красной Армии [Горбунова, 2017]. В эти программы включали лекции и беседы на темы марксизма, маоизма, коллективизации. Такие поездки могли длиться несколько недель, но, по сути, они были форматом идеологической подготовки и пропаганды, то есть отличались от обычного туризма, связанного с познавательным или развлекательным интересом. Иногда зарубежные левые публиковали статьи о своих впечатлениях, и эти материалы выступали для Китая своеобразной «мягкой силой» в странах, где читатели искали альтернативу капитализму. Однако подобный «революционный туризм» был очень узким социальным феноменом, который вряд ли можно считать полноценным двигателем туристической индустрии. Главной целью оставалась пропаганда идей Великого руководителя, демонстрация трудовых коллективов, передовых бригад, негласное возвеличивание роли Китая в международном коммунистическом движении. При этом любые попытки отклониться от заранее утверждённой программы могли привести к конфликтам с сопровождающими лицами или даже к досрочному завершению поездки. И всё же символическое значение таких визитов было высоко.

Показательно, что почти вся информация о деятельности государственных структур, регулировавших международные визиты, строго контролировалась. В отчётах и отчуждённых от публики документах указывались цифры и статистика, касающиеся количества иностранцев, приезжавших в страну, однако эти сведения редко публиковались открыто [Мамонов, 2021]. В официальной прессе преобладала пропагандистская риторика о дружбе народов, успехах социализма и новой гармонии, достигнутой под руководством партии. Реальные же проблемы с инфраструктурой, особенно в сельской местности, отсутствием нормального снабжения, нехваткой опытных гидов и переводчиков оставались вне поля зрения. В результате до 1977 года внутренний туристический рынок так и не оформился, а внешний ограничивался считаными сотнями или же тысячами человек в год, большинство из которых были делегациями из «дружественных» стран. Перелом наступил лишь тогда, когда новое руководство во главе с Дэном Сяопином провозгласило курс на реформы и открытость, увидев в туризме не только идеологический вызов, но и важный источник валютных поступлений и международных контактов. Но это уже эпоха, выходящая за рамки нашего рассмотрения.

Анализируя период с 1949 по 1977 год, нельзя не отметить, что многолетняя самоизоляция Китая, обусловленная сочетанием исторических, идеологических и политических факторов, выступала решающим препятствием для развития массового туризма [Бондаренко, 2006]. С самого начала, когда новосозданная КНР ещё только определялась со своими внешнеполитическими приоритетами, туристическая отрасль не воспринималась в качестве драйвера экономики или культурной дипломатии. Упрощённо говоря, Китай не испытывал недостатка в внутренних проблемах, требующих решений, и доступность путешествий для иностранцев не входила в повестку. Проверенные соратники Мао, занимавшие ключевые

должности, ориентировались на советский опыт планирования экономики, где туризм тоже оставался полумаргинальной отраслью. Более того, избранный курс на жёсткое идеологическое соперничество с «капиталистическим лагерем» предполагает сведение к минимуму любых связей с ним, а значит, и к сокращению въездных поездок. Любая подобная сфера – будь то гостиничный сервис, экскурсионное обслуживание – могло бы вызвать вопросы о её идеологической корректности. Когда же начали обостряться отношения с СССР после 1956 года, появились дополнительные барьеры для развития китайского международного туризма. Советские специалисты, прежде помогавшие в ряде отраслей, покинули страну, что лишь усилило закрытость и недоверие к иностранным визитам. В таких условиях «туризм» продолжал существовать лишь как часть дипломатии, но не в виде общедоступной, коммерчески ориентированной и массовой отрасли.

Внутренний климат в период Культурной революции окончательно подорвал любые возможности для подобного развития, а любые небольшие тенденции к открытости были подавлены массовыми чистками и политическими компаниями [Ананьич, Чернуха, 1991]. Историко-культурное наследие подверглось угрозе, даже те объекты, которые потенциально могли стать магнитами для туристов, иногда оказывались в зоне разрушительных кампаний. Хотя в больших городах сохранялись определённые условия для размещения иностранных делегаций, эти объекты находились под пристальным надзором Комитета общественной безопасности и партийных органов. Любое отступление от протокола вызывало подозрения. Тесная связь туризма с дипломатией, ограниченный круг допускаемых гостей, отсутствие средств коммуникации с более широкой аудиторией за рубежом – всё это делало невозможным развитие самостоятельного рынка услуг. Даже некоторые достижения в области авиации или строительства дорог не имели большого значения, ведь легкодоступные для посещения районы сводились к нескольким крупнейшим городам, а всё остальное пространство Китая находилось вне поля зрения иностранцев. Понятно, что на фоне этих барьеров отрасль не могла получить ни источников финансирования, ни кадров, ни рекламной поддержки, чтобы занять достойное место в экономике.

Если рассуждать с исторической позиции, всё это заложило нетипичное для многих развивающихся стран состояние: Китай до конца 1970-х практически без туризма. Большая часть населения никогда не видела иностранцев собственными глазами, а многие объекты мирового наследия не были готовы к приёму гостей. Китай был глобально известен благодаря своей уникальной культуре, но именно в эти десятилетия «железного занавеса» миф и реальность оказывались резко разделены. Иностранцы, которые посещали страну, сталкивались с официальной программой, ограничивающей их видение жизни, а также с дефицитом общения с обычными гражданами. Внешнему наблюдателю было сложно оценить, в каком состоянии на самом деле находятся известные памятники или как живут люди в глубинке [Корнева, 2011]. Сами местные жители в условиях идеологической изоляции и жесточайшей пропаганды видели иностранных туристов как редких «гостей издалека», точно одобренных правительством, и обычно испытывали тревогу или любопытство. Разумеется, это тоже не способствовало появлению обоюдно комфортных условий, которые могли бы зародить полноценную туристическую сферу. Состояние во многом оставалось таким до начала новой эпохи реформ. Туризм для Китайской Народной Республики был ещё одной внешней темой, малозначимой в сравнении с идущими тогда внутренними преобразованиями и политическими кампаниями.

На практике все редкие попытки продвинуть тему туризма, существовавшие у более открытых чиновников, наткнулись на непонимание и страх «гнилой западной культуры»

[Мартин, 2011]. В прессе любой материал, касавшийся западной жизни, зачастую сопровождался негативными оценками и критикой капиталистического образа жизни. В результате понятие отдыха, путешествий, экскурсий формировалось в ходе сезонов политической агитации и тяжелого труда на комбинатах и полях. Если и говорили о путешествиях, то в контексте производственных командировок, обмена опытом между колхозами, участия в всевозможных конференциях, и то исключительно внутри страны, а не за её пределами. Для иностранцев центральное правительство устанавливало специальные квоты, маршруты, согласовывало план поездок, контролировало доступ к географически и политически важным территориям [Романова, 2016]. Иногда это могло выглядеть так, что официальных гостей везут лишь по заранее подготовленным «потёмкинским деревням», чтобы сформировать нужное впечатление. Никакой коммерческой выгоды или туристских программ, кроме узкоспециализированных протокольных визитов, здесь не существовало. Отдельные разрозненные инициативы вроде выставок китайской живописи в дружеских странах, визитов китайских спортивных делегаций за границу и тому подобное не переходили в формат налаживания массовых культурно-туристических обменов.

При этом нельзя утверждать, что совсем не было никакого внимания к потенциальным перспективам показательных туристических проектов. В некоторых редких случаях организовывались внутренняя экскурсионная деятельность для самой элиты Компартии и высокопоставленных чиновников, чтобы те могли посещать горные курорты или исторические места с целью «закрепления патриотического восприятия» [Усманов, 2003]. Однако говорить о том, что создавалась полноценная инфраструктура, было невозможно. В основном все услуги предоставляли либо военные, либо партийные структуры, которые и управляли хозяйственно-бытовыми вопросами. Это оставляло мало шансов на создание рынка услуг в гражданском формате. И даже к концу 1970-х, когда Культурная революция закончилась, последствия массовых чисток и идеологических кампаний ещё были сильны. Страна находилась на низком уровне экономического благополучия, многие отрасли ждали перестройки и реформ. У значительной части кадров отсутствовал опыт или мотивация к развитию туризма, так как десятилетиями существовал страх перед внешним влиянием, и укрепилась идея самоизоляции во имя защиты социалистической чистоты. Все эти факторы, казалось бы, перечёркивали возможность немедленного «прыжка» в туристическую индустрию.

Однако историко-политическая перспектива подсказывает, что семена будущего роста были заложены: страна уже тогда располагала громадным культурным богатством, которое, будучи лучше сохраняемым и популяризируемым, могло стать международным туристическим магнитом [Северинко, 2010]. Традиции гостеприимства, богатая кухня, впечатляющие памятники архитектуры – всё это при другой системе организации и при снятии идеологических барьеров настолько мощный ресурс, что в 1980-е и далее именно оно стало основой для взрывного роста турпотока. Но до 1977 года эти составляющие оставались скрытыми или неразвитыми. В силу этого период с 1949 по 1977 год следует рассматривать как своеобразный этап «замёрзшего туризма», когда внешние визиты были эпизодическими и находились под жёстким государственным замком, а внутренние путешествия были редкостью для избранных чиновников или членов партийной элиты. Большинству же населения туризм как явление оставался недоступным и неизвестным, а его экономический эффект в масштабах страны был незначительным. Ключевую роль в этой ситуации играла сочетание тотальной идеологизации, череды политических кампаний и слабой инфраструктурной базы, а также постоянной борьбы со всеми чуждыми или подозрительными проявлениями.

Заключение

Чтобы подчеркнуть значение этого периода для последующей истории, можно отметить, что именно низкий уровень развития туризма до 1977 года позволил стране в дальнейшем, начав реформы, совершить резкий скачок, опираясь на эффект «неизведанной территории». Приступая к политике реформ и открытости, Китай обнаружил, что мир чрезвычайно интересуется им, готов вкладываться и посещать его в качестве уникального культурного объекта. Для Китая же стали очевидны выгоды роста въездного туризма: валютные поступления, новые рабочие места, развитие инфраструктуры, расширение международных контактов. Но всё это – уже следующая глава, напрямую вытекающая из реальности, что в предшествующие десятилетия туризм оставался периферийным явлением, без которого Китай жил, опираясь на другие источники развития. Период 1949–1977 годов в этой перспективе – время подавления туризма, имевшее истоком целый комплекс факторов: от идеологии до экономической плановой модели, от международной обстановки Холодной войны до внутренних политических баталий. Все признаки говорили о том, что массовым и открытым туризм стать просто не мог.

Только с приходом нового политического руководства и разворотом страны к модернизации стало можно говорить о начале пересмотра отношения к путешествиям и приёму зарубежных гостей. Ранее же, в условиях давления коллективизации и индустриализации, политики самообеспечения и безудержных проверок идеологической лояльности, вопросы отдыха, развлечений, культурной коммуникации выглядели роскошью, недоступной для основной части населения. Среди китайских идеологов бывали дискуссии о необходимости «социалистического отдыха», но под этим чаще подразумевалась плановая система санаторно-курортного лечения для рабочих передовиков или командная поездка в рамках воспитательных акций, а не то, что мы называем туристической отраслью сегодня. Иностранцам же такие объекты либо были попросту закрыты, либо допускались единично и под надзором. Именно поэтому дестинации страны, представляющие объективный и огромный интерес с точки зрения истории и культуры, в течение нескольких десятилетий оставались закрыты для массового взора, поддерживая миф о загадочном и таинственном государстве, в котором время как будто остановилось.

Таким образом, туризм китайский в период 1949–1977 годов не смог развиваться в полноценную отрасль: на него влияли политика автаркии, идеологические догмы, отсутствие экономических стимулов, недостаточность инфраструктуры и насторожённость к контактам с внешним миром. Государство использовало туристические механизмы лишь для редких дипломатических приёмов, протокольных мероприятий и идеологических демонстраций. Внутренний потенциал был подавлен плановой системой и культурно-политическими установками, а сама мысль о свободном путешествии противоречила принципам тотального контроля. Все эти факторы делают туристическую отрасль того времени почти незаметной в социально-экономической жизни Китая, однако закладывают базу, с учётом которой можно понять удивительный рост отрасли уже в эпоху реформ, когда все прежние ограничения начали сниматься. Именно беспрецедентная закрытость и жёсткость системы на протяжении тех десятилетий привели к тому, что в конце 1970-х идея открыть двери иностранцам показалась революционной, а приток зарубежных путешественников принёс первые результаты, превратившись в новую статью доходов и в важный канал культурного обмена. Но всё это случится позже, когда страна выйдет на курс новых преобразований и начнёт постепенно освобождаться от догм, установившихся в эпоху Мао.

Библиография

1. Ананьин О.И. Как сложились команда реформаторов и ее программа, или о неофициальном экономическом дискурсе в реформаторском движении 1980-х годов // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21. № 1. С. 3–10.
2. Ананьич Б.В., Чернуха В.Г. Чернильные перемены // Родина. 1991. № 11–12. С. 108–111.
3. Бондаренко Д.Я. О.Н. Бачурина. Экономическое наследие С.Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции (1922–1939 гг.) // Отечественная история. 2006. № 6. С. 215–216.
4. Волхонский М.А. Национальные движения и политика правительства (1906 – первая половина 1907 гг.) // Первая революция в России. Взгляд через столетие / Под ред. И.М. Пушкаревой и др. М.: Институт российской истории РАН, 2005. С. 484–493.
5. Горбунова С.А. Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 184–185.
6. Корнева М.В. Страна Советов vs Третий рейх: победителем бывает только один: неизвестные страницы победы и краха супердержав. М.: Вече, 2011. 320 с.
7. Ли И. Столетие Октябрьской революции в китайской политической, общественной и научной мысли // Российская история. 2018. № 6. С. 43–56.
8. Мамонов А.В. Как Н.К. Гирс возглавил Министерство иностранных дел Российской империи // Российская история. 2021. № 3. С. 81–102.
9. Мартин Т. Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.
10. Овчинникова Н.В. Из истории реформирования управления народным хозяйством в России (1950-е – первая половина 1960-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 141–165.
11. Рагимова П.Ф. Рыночный оазис в плановой экономике: исторический опыт Советской торгово-промышленной палаты // Вопросы истории. 2021. № 2. С. 281–287.
12. Романова Г.Н. Политика "открытости" Северо-Восточного Китая в 80-е гг. XX в. // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 1. С. 330–338.
13. Северинко В.В. Возрождение российского парламентаризма в условиях политических реформ 1990-х гг. (опыт и уроки истории): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2010. 24 с.
14. Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. / Институт Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2015. 407 с.
15. Усманов Р.Х. Сущность политического режима в России в эпоху системного кризиса 1990-х гг. // Россия и регион: политические, правовые, экономические и гуманитарные проблемы: Материалы межрегиональной научной конференции. 2003. С. 6–10.

China's Tourism Industry Before the Reform and Opening-Up Policy (1949-1977)

Gong Ming

PhD Student,

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 10, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: ambassador79@mail.ru

Abstract

The article examines the development of China's tourism industry during 1949-1977, prior to the implementation of reform and opening-up policies. Focusing on structural and institutional characteristics of the tourism sector under centralized planning and ideological control, the study employs comprehensive methodology including archival document analysis and statistical data processing. The findings reveal that tourism development was predominantly state-driven, serving

ideological purposes, with international tourism functioning as a symbolic reflection of China's foreign policy priorities. The research demonstrates how political-economic factors fundamentally shaped tourism products, providing a basis for comparative analysis of industry development under different socioeconomic systems.

For citation

Gong Ming (2025) Turisticheskaya otrasl KNR do nachala politiki reform i otkrytosti (1949-1977 gg.) [China's Tourism Industry Before the Reform and Opening-Up Policy (1949-1977)]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (3A), pp. 360-374.

Keywords

Chinese tourism, tourism history, centralized planning, socialist economy, tourism ideologization.

References

1. Ananin O.I. How the reformers' team and its program were formed, or on the unofficial economic discourse in the reform movement of the 1980s // *Mir Rossii. Sociology. Ethnology*. 2012. Vol. 21. No. 1. pp. 3–10.
2. Ananich B.V., Chernukha V.G. Ink Changes // *Rodina*. 1991. Nos. 11–12. pp. 108–111.
3. Bondarenko D.Ya. O.N. Bachurin. The Economic Legacy of S.N. Prokopovich and His Socio-Political Activity in Exile (1922–1939) // *Russian History*. 2006. No. 6. pp. 215–216.
4. Volkhonsky M.A. National Movements and Government Policy (1906 – the First Half of 1907) // *The First Revolution in Russia. A Century Later* / edited by I.M. Pushkareva et al. Moscow: Institute of Russian History, RAN, 2005. pp. 484–493.
5. Gorbunova S.A. Problems of the Far East. 2017. No. 4. pp. 184–185.
6. Korneva M.V. The Soviet Union vs. the Third Reich: There Can Be Only One Winner: The Unknown Chapters of Victory and the Collapse of Superpowers. Moscow: Veche, 2011. 320 pp.
7. Li I. The Century of the October Revolution in Chinese Political, Social, and Scientific Thought // *Russian History*. 2018. No. 6. pp. 43–56.
8. Mamonov A.V. How N.K. Girs Became Head of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire // *Russian History*. 2021. No. 3. pp. 81–102.
9. Martin T. The Empire of “Positive Action”: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2011. 663 pp.
10. Ovchinnikova N.V. On the History of Reforming the Management of the National Economy in Russia (the 1950s – the First Half of the 1960s) // *New Historical Bulletin*. 2005. No. 2 (13). pp. 141–165.
11. Ragimova P.F. A Market Oasis in a Planned Economy: The Historical Experience of the Soviet Chamber of Commerce and Industry // *Issues of History*. 2021. No. 2. pp. 281–287.
12. Romanova G.N. The “Openness” Policy of Northeast China in the 1980s // *Society and State in China*. 2016. Vol. 46. No. 1. pp. 330–338.
13. Severinko V.V. The Revival of Russian Parliamentarism in the Context of the Political Reforms of the 1990s (Experience and Lessons of History): Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2010. 24 pp.
14. Sotnikova I.N. The Chinese Sector of the Comintern: Organizational Structures, Personnel, and Financial Policy: 1919–1943 / Institute of the Far East, RAN. Moscow: Vost. Lit., 2015. 407 pp.
15. Usmanov R.Kh. The Essence of the Political Regime in Russia during the Era of the Systemic Crisis of the 1990s // *Russia and the Region: Political, Legal, Economic, and Humanitarian Issues: Proceedings of an Interregional Scientific Conference*. 2003. pp. 6–10.